

НОВАТОРСКИЙ СИНТЕЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ХОРВАТИИ (О КНИГЕ Н. БУДАКА «ХОРВАТСКАЯ ИСТОРИЯ С 550 ДО 1100 Г.»)

Budak, Neven. *Hrvatska povijest od 550. do 1100.* — Zagreb: Leykam international, 2018. — 352 s. (Biblioteka Hrvatska povijest; *Povijest hrvatskih zemalja u srednjem vijeku*; sv. 1). — ISBN 978-953-340-061-7

Широкомасштабный проект загребского издательства *Leykam international* «Хорватская история» хорошо известен заинтересованному читателю: к настоящему времени вышло уже больше двадцати книг серии, призванной дать подробное, основанное на новейших достижениях науки, освещение истории страны от каменного века до современности. Притом что речь идет о полноценных научных монографиях, написанных ведущими специалистами по соответствующим периодам хорватской истории, особенность проекта заключается в его просветительской направленности. Все книги серии внутренне структурированы по единой схеме: в них отсутствует привычный научный аппарат в виде сносок, однако все тематические разделы и подразделы неизменно снабжаются историографическо-библиографическими экскурсами, знакомящими читателя с состоянием изученности той или иной темы и уделяющими особое внимание новейшим исследованиям. По-настоящему долгожданным событием стал выход очередной книги проекта, посвященной эпохе раннего Средневековья. Автором 350-страничного тома под названием «Хорватская история с 550 до 1100 г.» стал сам научный редактор серии Невен Будак, известный историк-медиевист, профессор Загребского университета¹.

В историческом сознании многих европейских наций именно раннему Средневековью отводится роль формирующего периода в национальной истории. Появившиеся в эту эпоху этнические общности (*gentes*) и политические организмы (*regna*) — справедливо или нет — в обыденном сознании часто предстают первичными формами будущих

¹ Очерк научной деятельности проф. Н. Будака и перечень его основных трудов см. в статье, посвященной 60-летию ученого: *Vedriš T., Agičić D. Prof. dr. sc. Neven Budak — biobibliographica sexagenario dicata // RZHP. 2017. Vol. 49. S. 11–31.*

наций и национальных государств. И хотя в исторической науке, как правило, подчеркивается дистанция, отделяющая национальные государства Нового времени от «гентильных королевств» (раннего) Средневековья², сам по себе жанр национальной истории, подразумевающий проецирование в прошлое тех или иных реалий настоящего (хотя бы в самом выборе темы и оптики историописания) неминуемо диктует здесь свои правила.

Книга Н. Будака, вышедшая в 2018 г., к настоящему времени уже успела вызвать научный резонанс³. Повышенное внимание к данной книге оправдано не только потому, что перед нами — первый за долгие годы авторский синтез раннесредневековой истории Хорватии⁴. Большой интерес представляет сам подход исследователя к рассмотрению периода, занимавшего столь важное место в хорватском национальном историческом нарративе начиная с XIX в. С одной стороны, при описании данной эпохи проявились в свое время лучшие черты позитивистской историографии, такие, например, как наличие глубоких источниковедческих штудий и стремление к междисциплинарному синтезу. С другой стороны, национальная перспектива в интерпретации событий и процессов приводила к тому, что они не только рассматривались в довольно узких региональных контекстах (обусловленных проецированием в прошлое современных границ или представлений о национальных территориях), но нередко и вовсе описывались в категориях современного национального дискурса с присущими ему «ментальными картами»⁵. Если последняя тенденция с течением времени была успешно преодолена, то проблема определенной узости исторического контекста, естественно задаваемой этноцентрической перспективой национального нарратива, остается актуальной до сих пор.

Обо всех вышеозначенных сложностях Н. Будак, автор ряда замечательных работ о роли исторического воображения в формировании хорватской национальной идентичности в XIX–XX вв.⁶, осведомлен как, пожалуй, мало какой другой исследователь. Неслучайно историк начинает книгу с небольшого, но методологически важного раздела

---

² См. особенно: *Geary P. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe*. Princeton, 2002.

³ Особо отметим статью словенского медиевиста П. Штиха, откликнувшегося на книгу подробным комментарием по ряду спорных вопросов: *Štih P. O novi knjigi, novejši hrvaški historiografiji in novih pogledih na hrvaško zgodnjeresrednjeveško zgodovino // ZČ. 2018. Letnik 72. Št. 3–4. S. 464–497.*

⁴ Ср.: *Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*. Zagreb, 1925; *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1971; *Budak N. Prva stoljeća Hrvatske*. Zagreb, 1994; *Goldstein F. Hrvatski rani srednji vijek*. Zagreb, 1995. — Как коллективный труд в этот ряд не попадает обобщающее исследование по хорватскому раннему Средневековью, выпущенное в 2015 г. «Магицей хорватской»: *Nova zraka u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 – oko 1150) / Ur. Z. Nikolić Jakus*. Zagreb, 2015.

⁵ См. подробно: *Ančić M. Kako danas čitati studije Franje Račkoga // Rački F. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća / Priredio M. Ančić*. Zagreb, 2009. S. VII–XXXVIII.

⁶ *Budak N.* 1) *Using the Middle Ages in Modern-day Croatia // Gebrauch und Missbrauch des Mittelalters, 19.–21. Jahrhundert / Uses and Abuses of the Middle Ages: 19th–21st Century / Usages et Mésusages du Moyen Age du XIXe au XXIe siècle / Ed. by J. M. Bak, J. Jarmut, P. Monet, B. Schneidemüller*. München, 2009. P. 241–262; 2) *Hrvatski identitet i povijest // Identitet kao odgojno-obrazovna vrjednota / Ur. V. B. Mandarić i R. Razum*. Zagreb, 2011. S. 105–120; 3) *Croatia between the Myths of the Nation State and of the Common European Past // Quest for a Suitable Past. Myth and Memory in Eastern and Central Europe / Ed. by C.-F. Dobre and C. E. Ghiță*. Budapest, 2017. P. 29–50.

под названием «Что есть хорватская история?» (с. 11–14), в котором, проводя различие между понятиями «истории хорватов» и «хорватской истории», обращает внимание читателей на научную несостоятельность традиционного для национальных исторических нарративов проецирования в далекое прошлое современных представлений о национальной территории. Понимая под «историей хорватов» лишь историю носителей хорватской идентичности, исследователь определяет «хорватскую историю» как историю всех людей, которые, вне зависимости от своей этнической принадлежности, когда-либо проживали на территории современной Хорватии и на исторических хорватских землях. Такой подход к предмету, в свою очередь, обусловил структурирование исторического материала не в анахроничных для Средневековья рамках «национальной территории», а в рамках релевантных для рассматриваемой эпохи исторических регионов, обладавших своей социокультурной спецификой — Далмации, Истрии, (южной) Паннонии.

Подобное понимание предмета «хорватской истории», естественно, ставит перед автором задачу поиска адекватной оптики в его рассмотрении. Как видно из дальнейшего изложения материала в книге Н. Будака, эта задача решается автором просто и вместе с тем эффективно. А именно — каждый из разделов книги, посвященных тому или иному периоду хорватского раннего Средневековья, начинается с освещения событий и процессов в более широких географических и культурно-исторических рамках (Средиземноморье, Западная Европа, «византийский мир» и т. п.). И хотя повышенное внимание автора к истории франков, Рима, Венеции может отчасти объясняться просветительскими задачами проекта, частью которого является монография Н. Будака, сам по себе подобный подход к рассмотрению хорватской истории представляется не только методологически оправданным, но и эвристически ценным. Во многом именно благодаря ему события и процессы раннесредневековой «хорватской истории» получают на страницах монографии Н. Будака адекватную историческую интерпретацию, максимально свободную от национально-государственных коннотаций XIX–XX вв.

Основная часть книги, следующая за упомянутым выше кратким введением, состоит из девяти больших тематических разделов, имеющих более или менее дробную внутреннюю структуру, с неизменным наличием в конце каждого раздела или подраздела соответствующего его тематике историографического экскурса в актуальную исследовательскую литературу. Первый раздел под названием «Источники и историография» (с. 14–48) содержит обстоятельную характеристику разных видов источников, а также сбалансированный очерк истории изучения раннесредневековой Хорватии с XVII в. до наших дней. Во втором разделе, носящем название «Географические характеристики» (с. 48–60), описываются те самые историко-географические области, в соответствии с которыми структурировано изложение исторического материала, а также дается обзор функционировавших в раннее Средневековье региональных коммуникаций. Красноречивое название третьего раздела «Проблема континуитета: перелом или превращение?» (с. 60–86) отражает одну из ключевых проблем, с которой сталкивается исследователь хорватского раннего Средневековья. Речь идет о судьбе позднеантичного населения и его социальных институтов во время появления в Далмации, Истрии и Паннонии «варваров» и в последующий период «темных веков». Здесь исследователь сначала рассматривает ситуацию в Далмации и Истрии в контексте внутренних процессов в Византии, затем останавливается на проблемах «варваризации», уделяя особое

внимание лангобардам, аварам и славянам, после чего дает анализ судеб церковной организации — важнейшего для данного региона связующего звена между античной эпохой и Средневековьем. Следующий — четвертый — раздел книги, носящий название «Кто были хорваты?» (с. 86–119), посвящен не менее сложной и дискуссионной проблеме этногенеза раннесредневековых хорватов, происхождения и первичного распространения хорватской идентичности. В этом разделе автор знакомит читателя с новейшими подходами к раннесредневековой «варварской» этничности, критически рассматривает все актуальные на сегодняшний день концепции происхождения хорватов, а также предлагает свою собственную реконструкцию этнополитического развития хорватов «от племени до королевства». Завершается раздел авторским анализом других групповых идентичностей на территориях Далмации и Паннонии.

В обширном пятом разделе, носящем название «Переломный девятый век» (с. 119–209), автор рассматривает социально-политические трансформации, сопровождавшие формирование и развитие ранней хорватской государственности. Первая часть раздела посвящена политическому контексту. В ней автор сперва рисует масштабную картину экспансии франков в Истрии, Далмации и Паннонии, создавшей принципиально новую политическую конъюнктуру в этой части Европы. Освещая затем ослабление франкской власти и активизацию в регионе других политических акторов (Византия, Венеция, Рим, Моравия, венгры), автор всякий раз останавливается на последствиях этих процессов для хорватских земель. Вторая часть раздела целиком посвящена христианизации и распространению в регионе новых форм церковной жизни: автором подробно анализируется роль в этом процессе франкских политических и церковных структур, рассматриваются проблемы церковной юрисдикции, а также обсуждается дискуссионный вопрос о путях проникновения в Хорватию богослужения на славянском языке и глаголической азбуки. В третьей части раздела уже непосредственно рассматриваются процессы формирования первых местных политий, в первую очередь Хорватского княжества, и их последующей эволюции в течение IX столетия. Помимо собственно Хорватского княжества Будак рассматривает политическое развитие Захумья, Неретвлянской земли, Нижней Паннонии, а также ситуацию в Истрии.

В шестом разделе, озаглавленном «Хорватское королевство и Далмация в X и XI вв.» (с. 209–272), всесторонне рассматривается происходивший в X–XI вв. процесс превращения вассального франкам Хорватского дуката в могущественное королевство, возглавляемое коронованными правителями и контролирующее приморскую Далмацию, некогда политически отделенную от хинтерланда Аахенским миром 812 года. Как и в предшествующем разделе, автор и здесь предпосылает рассмотрению протекавших в Хорватском королевстве процессов широкую политическую панораму эпохи, фокусируя внимание на последствиях для Хорватии византийско-болгарских войн, образования империи Оттонов, важных для региона политических акций Венеции, Венгрии и папства. Непосредственно Королевству Хорватии и Далмации посвящена вторая часть раздела, в которой автор внимательно прослеживает связи хорватских правителей с Византией, характеризует динамику их отношений с Венецией, разбирает решения сплитских соборов 925 и 928 гг., а также специально останавливается на проблеме генеалогии хорватских правителей первой половины XI в. Правление короля Звонимира и его парадигматические отношения с папой Григорием VII подробно обсуждаются автором в третьей части раздела, тогда как последняя, четвертая часть,

посвящена распространению в Хорватии бенедиктинского монашества и церковного землевладения.

Седьмой раздел книги под названием «Хозяева и рабы» (с. 272–284) представляет собой авторскую реконструкцию социального ландшафта раннесредневековой Хорватии с отражением его специфики в общеевропейском и средиземноморском контексте. Восьмой раздел, носящий название «Приход Арпадов на хорватский престол» (с. 284–295), дает читателю выверенную, основанную на новейших исследованиях, картину утверждения в Хорватии власти новой династии. При этом стоит заметить, что хотя, следуя давно сложившейся историографической традиции, автор доводит свое изложение раннесредневековой хорватской истории до начала правления Арпадов, выбор этой политической вехи в качестве верхней хронологической границы исследования никоим образом не обусловлен традиционной для хорватского национального нарратива, но совершенно анахроничной для рассматриваемого периода идеологией об утрате независимости. Напротив, автор трактует коронацию Коломана как восстановление самостоятельности Хорватского королевства, находившегося при Звонимире и его преемниках в зависимости от Римского престола. В последнем, девятом разделе книги «От угасания антики до зрелого Средневековья» (с. 295–311), имплицитно подводящем итоги исследования, артикулируются основные тенденции политического, социального и культурного развития хорватских земель в перспективе *longue durée*, охватывающей весь рассмотренный в книге период раннего Средневековья. Завершает книгу раздел приложений, где, помимо указателей, содержится блок полезных для читателя исторических карт, визуализирующих представления автора о политическом и церковном устройстве хорватских земель в разные периоды раннего Средневековья.

Хотя общая ориентация серии «Хорватская история» на презентацию для широкого читателя положительного научного знания способствовала вынесению за пределы текста тех или иных элементов научной полемики, это обстоятельство отнюдь не превратило монографию Н. Будака в подобие учебника или справочника. Благодаря сильному звучанию авторского голоса, обилию оригинальных идей и концепций, книга хорватского медиевиста в полной мере может быть определена как новаторский синтез раннесредневековой хорватской истории. За неимением возможности в краткой рецензии затронуть все сюжеты, по-новому освещаемые на страницах монографии Будака, позволим себе сфокусировать внимание на узловых пунктах авторского видения формирования на территории бывшей римской провинции Далмации раннесредневекового Хорватского государства: в интерпретации этого сложного процесса новаторский характер исследования Н. Будака проявился, на наш взгляд, особенно ярко.

Характеризуя процессы, протекавшие в Далмации в период между серединой VI и концом VIII в., Н. Будак склоняется к модели трансформации, которая на протяжении последних лет получает в кругах медиевистов все большую поддержку. Так, вслед за рядом исследователей, он отвергает тезис об аварском или аварско-славянском разорении Салоны — столицы позднеантичной Далмации, подчеркивая, что в данном случае речь шла не об одномоментном опустошении, а о медленной деградации городской жизни. Подобный же постепенный характер имело и формирование нового поселенческого центра в близлежащем Сплите: в районе бывшего дворца Диоклетиана издревле существовало поселение, которое с течением времени замкнулось в стенах дворца. В целом пресловутые «темные века» в истории Далмации Н. Будак рассматривает не как

следствие аварско-славянского завоевания, а как продолжение кризиса и стагнации, начавшихся еще в поздней античности. Хотя исследования археологов давно позволили говорить о сохранении в VII–VIII вв. потестарных структур автохтонного населения в далматинском хинтерланде⁷, Н. Будак идет в своих выводах еще дальше, допуская на основании результатов археологических исследований возможность византийского присутствия на всем пространстве между Зрманей и Цетиной, где в IX в. будут размещаться главные центры хорватской политики. По крайней мере, исследователю представляется весьма вероятным, что до конца VIII в. в зоне досягаемости византийской власти находились такие центры, как Нин, Надин, Брибир, Скрадин⁸, а в важной роли этих центров в структуре позднейших хорватских жупаний автор даже готов усматривать намек на континуитет «некой формы социальной организации» (с. 62). Характеризуя в целом региональную инфраструктуру позднеантичного периода, ставшую, по мнению исследователя, основой социально-политического ландшафта раннесредневековой Далмации, Н. Будак использует предложенные Дж. Шепардом применительно к ранней Византии понятия «бункеров» и «открытых городов»⁹. В то время как «бункеры», то есть крепости с непостоянными гарнизонами, контролировали стратегические коммуникации, главной задачей «открытых городов» было осуществление контактов с окрестным населением. Хотя в этих городах, как отмечает исследователь, могло размещаться имперское войско, в первую очередь об их обороне заботились сами жители, тогда как «империя показывала свое присутствие репрезентативными постройками (вроде церкви св. Доната в Задаре) и дарованием почетных титулов представителям локальной элиты» (с. 62). Обращая внимание на редкость конфликтов с приморскими городами хорватских правителей, Н. Будак заключает, что система «открытых городов» в Далмации оказалась исключительно плодотворной. Именно этим, по Н. Будаку, объясняется амбивалентность политического статуса и неясность территориальных границ византийских прибрежных городов в период расцвета Хорватского королевства, когда они фактически срастаются с хорватским хинтерландом.

---

⁷ См., прежде всего, исследования А. Милошевича о цетинском лимесе, существовавшем до конца VIII в.: *Milošević A.* 1) Die Spätantike Territoriale und Kulturelle Kontinuität in der Frühmittelalterlichen Cetinagegend // HAM. 1995. Vol. 1. P. 169–175; 2) *Križevi na obložnicama ranosrednjovjekovnih grobova u okolici Sinja*. Dubrovnik; Split, 2010. См. также новейшую реконструкцию социальных процессов в Далмации в VI–VIII вв. на основе данных археологии: *Dzino D.* Post-Roman Dalmatia: Collapse and Regeneration of a Complex Social System // *Imperial Spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812)* / Ed. by M. Ančić, J. Shepard and T. Vedriš. New York; Oxford, 2018. P. 155–173.

⁸ Эти представления исследователя отражены и в помещенной в конце книги карте региона на период конца VI – середины VIII в., где все пространство будущего ядра хорватской политики между реками Зрманя и Цетина обозначено как византийская территория, будучи окрашено в тот же цвет, что и территория Истрии. Понятно, что любая карта, пытающаяся отразить сложные этнополитические реалии раннего Средневековья, — это не более чем условность. Однако в данном случае эта условность означает решительный пересмотр некогда популярных представлений о «римлянах», спасающихся от «варваров» за стенами нескольких приморских городов.

⁹ *Shepard J.* Bunkers, Open Cities and Boats in Byzantine Diplomacy // *Byzantium, Its Neighbours and Its Cultures* / Ed. by D. Dzino and K. Parry. Sydney, 2014. P. 11–44.

Н. Будак, неоднократно обращавшийся в своих трудах к проблемам хорватского этногенеза¹⁰, в изучении раннесредневековой этничности следует в русле методологических установок П. Гири, Х. Вольфрама, В. Поля и других авторов, продемонстрировавших в своих трудах не только гетерогенность раннесредневековых этнополитических общностей, но и ситуативность этнической идентичности в мире «варваров», ее обусловленность постоянно меняющимся социально-политическим контекстом. Приверженность данным методологическим принципам во многом обусловила то, что, не задерживаясь на проблеме так называемого «переселения хорватов»¹¹, датировать которое концом VIII в. (как в последнее время предлагают некоторые авторы) нет, по мнению Н. Будака, достаточных оснований, исследователь уделяет основное внимание характеру древнейшей хорватской идентичности и историческому контексту ее распространения в Далмации. Представляя читателю основные теории происхождения хорватов, которым, ввиду недостатка имеющейся информации источников, очевидно, еще долго суждено конкурировать друг с другом, Будак не остается беспристрастным регистратором гипотез, не только активно включаясь в полемику, но и пытаясь там, где это возможно, соединить старые концепции с новыми методологическими подходами. В результате автору удается усилить и без того привлекательную идею о том, что хорватская групповая идентичность первоначально имела не столько этнический в собственном смысле слова, сколько социальный и политический характер.

Обосновывая взгляд на хорватов как на социальный слой, Н. Будак возвращает в актуальную дискуссию полузабытый аргумент, в свое время использованный Л. Хауптманном при разработке так называемой теории социального дуализма в раннесредневековой Хорватии¹². Речь идет об известном пассаже из трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», где при описании того, как в правление Василия I славяне Далмации были привлечены к борьбе с арабами, сообщается о том, как жители Дубровника перевезли на своих судах в Италию «хорватов и прочих славянских архонтов (Σκλαβάρχοντας)»¹³. Нельзя не согласиться с Н. Будаком в том, что чтение Б. Графенауэра, настаивавшего в своей полемике с Л. Хауптманном на том, что процитированную фразу следует понимать иначе («хорватских и прочих славянских

¹⁰ Из новых работ см. особенно: *Budak N.* 1) *Identities in early medieval Dalmatia (seventh – eleventh century)* // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe* / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout, 2008. P. 223–241; 2) *Razvitak hrvatskog etničkog identiteta* // *Nova zraka u europskom svjetlu: hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku: (oko 550 – oko 1150)* / Ur. Z. Nikolić Jakus. Zagreb, 2015. S. 73–88.

¹¹ Методологические недостатки самого концепта «переселения хорватов» в контексте изучения социально-политической трансформации в Далмации в VII–IX вв. уже неоднократно отмечались в историографии. О современном состоянии вопроса см.: *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016; *Ančić M.* *Migration or Transformation: The Roots of the Early Medieval Croatian Polity* // *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire* / Ed. by D. Dzino, A. Milošević, T. Vedriš. Leiden; Boston, 2018. P. 43–62; *Bilogričić G.* *Carolingian Weapons and the Problem of Croat Migration and Ethnogenesis* // *Migration, Integration and Connectivity...* P. 86–102.

¹² *Hauptmann L.* *Karantanska Hrvatska* // *Zbornik kralja Tomislava*. 1925. S. 314–315.

¹³ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; Пер. Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 117–118.

архонтов»¹⁴), не может считаться окончательным. Более того, подобное чтение, как справедливо замечает исследователь, порождает трудноразрешимые вопросы: почему хорватские архонты выполняли волю Василия I, если были вассалами франкского императора Людовика II? Зачем было задействовать в переправе хорватов дубровницкие суда, если у хорватского дукса Домагоя (864–876) был собственный флот? Если же допустить, продолжает исследователь, что название «хорваты» имело не только этническое, но и социальное значение («воинский слой», «ратники»), то, возможно, император и не имел здесь в виду хорватов из Хорватии. Не исключает исследователь и того, что предполагаемое социальное значение слова «хорваты» сокрыто и в другом, нередко ставившем исследователей в тупик, известии ученого императора — о том, что название «хорваты» на славянском языке означает «обладатели большой страны»¹⁵.

Другой аргумент, используемый Будаком в поддержку представления о социальном характере первоначальной хорватской идентичности, выглядит еще более интересным, так как основывается на одном из новейших открытий хорватских археологов. Речь идет о датируемом началом IX в. элитном погребении на раннесредневековом некрополе в Вачанах близ Скрадина. Судя по богатой и характерной для хорватской элиты каролингской эпохи воинской экипировке франкского происхождения (меч, шпоры), а также такому яркому атрибуту раннехорватских элитных погребений, как золотой солид Константина V Копронима, здесь был захоронен представитель правящего слоя хорватской политики, то есть, в политическом и социальном смысле, «хорват». Вместе с тем наряду с франкскими предметами в могиле была обнаружена стеклянная посуда кипрского или сирийского производства, а анализ древней ДНК останков показал, что погребенный воин вполне мог быть уроженцем Кипра или Леванта. Присутствие «киприота» среди членов хорватской этнополитической общности наглядно подтверждает то, что было известно и ранее: раннесредневековые гентильные общности являли собой не столько «этнические» (то есть связанные едиными культурными характеристиками), сколько этнополитические и этносоциальные организмы, и как таковые совершенно необязательно должны были быть культурно гомогенными. Помимо этого, открытость хорватской гентильной элиты, столь очевидно демонстрируемая экзотическим происхождением вачанского воина, позволяет думать, что для ранней хорватской идентичности определяющими были именно социальные и политические аспекты этнической кохезии.

«Киприот» из Вачан определенно был не единственным членом хорватской этнополитической общности, не принадлежавшим к числу потомков «варваров», некогда пришедших в Далмацию с севера. Прежде всего, необходимо считаться с присутствием среди хорватской элиты потомков автохтонного населения Далмации — так называемых «романизованных иллирийцев» или, проще говоря, «римлян», со временем перешедших на славянский язык. Для Будака, последовательно отвергающего примордиалистские представления о славянах и определяющего славянизацию как принятие автохтонным населением языка, культуры и религии славян (а никоим образом не вытеснение автохтонов новым, пришедшим издалека, многочисленным «народом»),

---

¹⁴ Grafenauer B. Sklabarhontes = «gospodarji Slovanov» ili «slovanski knazi»? // ZČ. 1955. Letnik IX. S. 202–219.

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 135.

распространение в Далмации славянского языка не может являться аргументом в пользу численного преобладания пришельцев над автохтонами. Поэтому, несколько не сомневаясь в немалом присутствии автохтонов среди тех, кто со временем стал именоваться хорватами, Н. Будак определяет раннесредневековый хорватский этнос как конгломерат пришельцев и автохтонов, хотя и отмечает, что о точном соотношении элементов в этом конгломерате говорить пока рано.

Заметим, что акцент на автохтонном элементе в этногенезе хорватов, пожалуй, впервые с такой наглядностью появляется в книге, представляющей собой обобщающий синтез раннесредневековой истории. Несмотря на обилие результатов археологических, антропологических и археогенетических исследований, результаты которых недвусмысленно свидетельствуют о значительной роли автохтонного населения в формировании культуры и самого физического облика средневекового населения Далмации, тезис о том, что средневековые хорваты были потомками не только «варваров», но и «римлян», с большим трудом пробивал себе дорогу в хорватской историографии. В этом смысле ясная и недвусмысленная позиция Будака по данному вопросу знаменует собой важный историографический сдвиг.

Одной из загадок хорватского этногенеза является титул «дукс гудусканов», которым франкские источники награждают Борну — первого известного по имени правителя политического организма, с течением времени ставшего именоваться Хорватией. Считая Борну первым исторически зафиксированным хорватским князем, многие исследователи полагали, что гудусканами именовались жители Гацки — области на северо-западе будущего Хорватского королевства, где в X в. правил бан — наместник хорватского короля. Решительно возражая против этой версии, Будак развивает относительно новую гипотезу Д. Карбича, согласно которой гудусканы получили свое название не от Гацки, а от Гудучи — небольшой речки, притока Крки, протекающей в регионе Равни Котари, то есть в центральных землях Хорватского королевства, в районе Брибира¹⁶. По мнению Будака, эта гипотеза более приемлема, чем традиционная локализация гудусканов в Гацке, так как, помимо самого факта, что Гудуча протекает в центре Хорватии, раннесредневековый Брибир, выросший на руинах античной Варварии, был важным поселенческим центром, тогда как на землях Гацки подобных центров не существовало. В продолжение темы Будак обращает внимание на то, что холм с названием Гудуча находится также над истоком реки Гацки, протекающей через одноименную область. Появление двух одинаковых названий в разных местах раннесредневековой Далмации могло, по мысли Будака, быть результатом отгонного скотоводства: гудучане могли иметь летние пастбища в долине Гацки, а зимние — в области Равни Котари.

Таким образом, Борна, ставший «дуксом Далмации и Либурнии» (как именуется его франкский анналист в 821 г.), первоначально мог быть вождем небольшой группы из-под Брибира, расширившим затем сферу своего политического контроля благодаря союзу с франками, заинтересованными в поддержке локальной элиты в своей борьбе с Византией. В представлении Н. Будака, гудусканы, обитавшие на руинах античной Варварии, подобно хорватам, должны были быть смесью пришлого и автохтонного населения. Между тем, какой бы логичной ни казалась подобная локализация гудусканов, она неминуемо ставит вопрос о соотношении гудусканов с хорватами. Стоит

---

¹⁶ Karbić D. Zlatni vijek Bribira // Hrvatska revija. 2007. God. VII. Br. 2. S. 12–19.

напомнить, что прежняя интерпретация предполагала подчинение хорватами, к каковым по умолчанию относили Борну, периферийной по отношению к ним племенной группировки: именование хорватского вождя дуксом гудусканов объясняли либо близостью гудусканов к франкским владениям в Истрии, либо принципом *pars pro toto*, либо тем, что гудусканы, оставившие Борну во время сражения с Людевитом в 819 г., играли особую роль в повествовании франкского анналиста¹⁷. В отличие от всех этих толкований, Будак понимает титул «*dux Guduscanorum*» именно как гентильную легитимацию власти Борны, из которой следует, что он не был правителем хорватов в собственном смысле слова. Отмечая, что Борна и его преемник Владислав, по всей вероятности, не имели земельных владений в районе Сплита и Трогира, где со второй трети IX в. фиксируются владения хорватских правителей Мислава и Трпимира, Будак, вслед за Л. Маргетичем¹⁸, склонен считать, что около 828 г. в условиях реорганизации системы франкского контроля над Далмацией к власти здесь пришла новая, уже собственно хорватская, династия. Именно с этой династией, как полагает исследователь, и следует связывать подъем и распространение хорватской идентичности. Таким образом, по мнению исследователя, хорватская идентичность была одной из тех, что конкурировали за преобладание в Далмации, став в правление Мислава средством легитимации власти новой династии.

Считая подобную интерпретацию, несомненно, заслуживающей внимания, отметим один нюанс, требующий, на наш взгляд, дополнительной конкретизации. Склоняясь, как было отмечено выше, к признанию социального характера хорватской идентичности, Будак, рассуждая о том, почему Борна именовался дуксом гудусканов, а не хорватов, допускает, что первоначально хорваты были лишь одной из групп, появившихся в Далмации в период между 600 и 800 гг. и первоначально занимавших отдельные городища и удобные для поселения карстовые поля. Распространение названия хорватов с малой группы на другие сообщества, как можно понять исследователя, началось лишь с приходом новой династии во второй трети IX в.¹⁹ Однако если принять версию, что гудусканы населяли район Брибира, не следует ли тогда допустить возможность того, что первичные хорваты, чья идентичность носила в большей степени социальный характер, проживали на этом же пространстве? По-видимому, все же считаясь с такой возможностью, исследователь специально уточняет, что ничто не говорит о том, что хорватами именовались дружинники Борны — те самые «преторианцы», которые, по свидетельству франкских источников, спасли Борну, покинутого гудусканами во время сражения с Людевитом. Как бы там ни было, но локализация гудусканов в Брибирском крае в гораздо большей степени, чем их локализация в периферийной Гацке, проблематизирует традиционное представление о наличии в Далмации хорватского

---

¹⁷ См. историю вопроса: Алимов Д. Е. Этногенез хорватов... С. 265–275; Bilogrivić G. Borna, dux Guduscanorum — Local Groups and Imperial Authority on the Carolingian Southeastern Frontier // NAM. 2019. Vol. 25. P. 170–176.

¹⁸ Marjetić L. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 144–147.

¹⁹ Исследователь даже задается вопросом (разумеется, остающимся без ответа), не являлась ли отражением этой ситуации приводимая в трактате Константина Багрянородного легенда о возглавивших переселение хорватов на Балканы семи вождях, один из которых носил имя Хорват.

территориального ядра, высвечивая интерпретационное противоречие между хорватами как локальной группой и хорватами как надрегиональным воинским слоем.

В то время как объяснение титула «дукс гудусканов» посредством локализации центра власти Борны в районе Брибира на сегодняшний день остается лишь остроумной гипотезой²⁰, бесспорным представляется другое положение исследователя — о том, что второй титул Борны, «дукс Далмации и Либурии», мог исходить только от высшей, императорской власти и, следовательно, отражал положение этого правителя в административной системе империи Каролингов. Отмечая, что объем власти, соответствовавший территориальному титулу Борны, сложно оценить, исследователь допускает как то, что Каролинги приписывали ему управление всей античной Далмацией, так и то, что речь шла лишь о территории между реками Раша и Цетина (то есть в соответствии с границами Хорватии, как они обозначены в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»). Фактический охват власти далматинского дукса исследователь реконструирует, исходя из расположения центров власти. Так, исходя из своего тезиса, что главным центром Борны был Брибир, исследователь логично записывает в число подконтрольных ему крепостей соседнюю Островицу, которая в классическое Средневековье, наряду с Брибиром, была центром власти могущественного хорватского рода Шубичей. Упоминание франкскими анналами крепостей, которыми располагал Борна во время войны с Людевитом Посавским, дало исследователю основание думать, что Борна мог контролировать и другие городища, расположенные в центральной части Далмации — Ассерию близ Бенковца и Книн — центр, который традиционно считается в историографии одной из столиц Хорватского княжества около 800 г.

Представление о том, что империя Карла Великого сыграла важную, если не решающую роль в процессе формирования хорватской политики, способствовал, среди прочего, появлению в ней централизованной и территориально оформленной княжеской власти, в целом является предметом консенсуса среди исследователей хорватского раннего Средневековья²¹. Между тем, конкретизация статуса Хорватии («Далмации и Либурии») в системе империи Каролингов по-прежнему остается предметом споров. Уже давно занимаясь темой хорватско-каролингских отношений²², Будак, основываясь на всей сумме известных данных, считает политику Борны интегральной частью империи, а не просто вассальным княжеством, подобным более слабо интегрированным в каролингские структуры власти политиям мораван, чехов, ободритов и др.

---

²⁰ См., например, критические замечания в адрес гипотезы Д. Карбича со стороны М. Анчича, замечаящего, что Гудуча — это не столько река, сколько сухой каньон, наполняемый водой лишь во время сильных осадков. Не считая возможным связывать с этим местом происхождение «племени Борны», исследователь допускает возможность происхождения названия Гудуча от некой небольшой группы гудусканов, поселенной здесь Борной в качестве своего рода заложников. См.: *Ančić M. Franački i langobardski utjecaji pri stvaranju i oblikovanju Hrvatske Kneževine // SHP. Ser. III. 2016. Sv. 43. S. 224.* Замечание это, впрочем, отводится специальной оговоркой Н. Будака о том, что в прошлом Гудуча была гораздо более полноводной и даже затопляла поле близ Островицы.

²¹ Об отражении каролингского контекста формирования хорватской политической организации в современной историографии см.: *Dzino D. From Byzantium to the West: «Croats and Carolingians» as a Paradigm Change in the Research of Early Medieval Dalmatia // Migration, Integration and Connectivity... P. 17–31.*

²² См. особенно: *Budak N. Karlo Veliki. Karolinzi i Hrvati. Split, 2001.*

Более того, исследователь даже готов видеть Хорватию среди тех четырех франкских графств, на которые в 828 г. была разделена Фриульская марка. Данная гипотеза высказывается им, главным образом, на том основании, что титул «граф» (*comes*) фигурирует при имени хорватского правителя Бранимира (879–892) в знаменитой надписи из Шопота (наряду с титулом «dux»), а также в письме папы Иоанна VIII, адресованном предшественнику Бранимира — Здеславу (878–879). Двойную титулатуру Бранимира в надписи из Шопота исследователь при этом трактует в смысле предполагаемой им двойной легитимации власти хорватского правителя — как гентильного «дукса хорватов» и как франкского губернатора Хорватии.

О трактовке статуса хорватских правителей в период после 828 г. как франкских графов в своем обширном отклике на книгу Н. Будака критически отозвался П. Штих, заметив, что превращение зависимой страны в графство должно было иметь своим результатом то, что франкский монарх имел бы возможность распоряжаться в ней землей, чего в Хорватии никогда не наблюдалось. В этой связи словенский исследователь высказывается в пользу уже звучавшей в историографии гипотезы, согласно которой четырем графствами, на которые в 828 г. была поделена Фриульская марка, были собственно Фриуль, Истрия, Карантания и Карниола²³. На наш взгляд, конкретизация статуса хорватских правителей в диапазоне «гентильный король — франкский граф» возможна лишь при сопоставлении хорватского случая с ситуацией на других окраинах Каролингской империи. В этой связи стоит отметить, что в свое время именно Н. Будаком было сделано интересное наблюдение о сходстве положения хорватского дукса Трпимира, обладавшего полномочиями, приближавшимися к королевским, с положением правителей Бретани²⁴. Памятуя о том, что в Бретани, как и в Хорватии, формирование крупной надрегиональной структуры власти произошло под непосредственным влиянием франков, а гентильное королевство, как и в хорватском случае, кристаллизовалось в результате последующей эмансипации местных правителей от франкских центров власти²⁵, сравнение это выглядит весьма перспективным. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что бретонские правители середины – второй половины IX в., подобно своим хорватским коллегам, нередко фигурировали под разными, ситуативно обусловленными, титулами (*dux, princeps, rex*), что современный британский исследователь Ф. Макнейр справедливо связывает с неопределенностью объема их власти и неопределенностью самих представлений об этой власти при вполне определенном признании ее очень высокого (хотя и не самого высокого из возможных) уровня²⁶.

---

²³ Štih P. O novi knjigi, novejši hrvaški historiografiji in novih pogledih... S. 481–482.

²⁴ Наряду с Бретанью, Н. Будака ссылались также на положение в зависимых от Каролингов лангобардских герцогствах Сполето и Беневенто. См.: Budak N. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. I: Srednji vijek / Glavni ur. F. Šanjek. Zagreb, 2003. S. 74.

²⁵ См. подробно: Davies W. On the Distribution of Political Power in Brittany in the Mid-Ninth Century // Charles the Bald: Court and Kingdom / Ed. by M. T. Gibson and J. L. Nelson. Oxford, 1981. P. 87–107; Smith J. Province and Empire: Brittany and the Carolingians. Cambridge, 1992; Brett C. Brittany and the Carolingian Empire: A Historical Review // History Compass. 2013. Vol. 11. P. 268–279.

²⁶ По словам Ф. Макнейра, неопределенность титулатуры бретонских правителей Эриспоэ (851–857) и Саломона (857–874) «вероятно, указывает на активную попытку передать неопределенную природу их королевской власти: бретонские правители обычно

Не менее интересной, особенно в связи с вопросом о (территориальном) объеме власти хорватских правителей, является интерпретация Н. Будаком недавнего сенсационного открытия хорватских археологов — богатого погребения князя или вельможи на раннесредневековом некрополе в селении Бойна близ реки Уны, расположенного неподалеку от города Глина к югу от Сисака. Как показывает Н. Будак, обнаруженное в Бойне элитное погребение интересно не только само по себе, но и тем, что позволяет по-новому взглянуть на проблему северной границы хорватской политики в середине IX в. Как известно, в первой четверти IX в. к северу от дуката Борны, то есть на территории южной части Паннонии, находился дукат Людевита, поднявшего в 819 г. знаменитое восстание против франкской власти. Вскоре после подавления восстания Людевита южная Паннония стала объектом болгарских вторжений (в 827 и 829 гг.), которые на какое-то время привели к полному или частичному исчезновению франкского контроля в этом регионе. Последующие свидетельства франкских источников об этой территории столь лаконичны и фрагментарны, что не дают возможности понять, каковым был последующий политический статус Посавья. Правда, в 838 г. появляется информация о некоем дуксе Ратимире, правившем где-то в бассейне Савы, возможно, именно там, где прежде властвовал Людевит. Судя по всему, этот князь, вступивший в конфликт с франками и покинувший свое княжество в связи с вторжением войск баварского префекта Ратбода, был франкским вассалом. Последующий период истории Посавья до 880-х гг., когда в источниках появляется информация о правившем в междуречье Дравы и Савы дуксе Браславе, вассале франкского императора Карла Толстого, и вовсе покрыт мраком неизвестности. Неудивительно, что в историографии наблюдается весьма широкий разброс мнений относительно политической принадлежности Посавья в середине – второй половине IX в. Так, наряду с традиционными представлениями, что земли между Дравой и Савой находились под властью местных князей — неких неизвестных нам по именам преемников Ратимира, либо были присоединены франками к владениям бывшего нитранского князя Прибины, с 840 г. правившего в качестве франкского графа в Блатнограде на озере Балатон, изредка высказывалось мнение, что, по крайней мере, часть земель бывшего дуката Людевита попала в это время под власть хорватских правителей²⁷.

Среди немногочисленных авторов, полагающих, что район Среднего Посавья уже в IX в. достался хорватам, был и Н. Будак, давно сформулировавший на сей счет свою оригинальную гипотезу²⁸. Теперь, на страницах своей монографии, исследователь впервые в историографии задействовал в обсуждении этого вопроса результаты

воспринимались как полукороли; и, как показывает использование титулов *dux*, *princeps* и *rex* в одних и тех же документах, все эти титулы были частью статусного спектра, в рамках которого бретонским правителям приписывались некоторые, но не все, атрибуты королевской власти...» (*McNair F. Sub-kingdoms and the Spectrum of Kingship on the Western Border of Charles the Bald's Kingdom // The Heroic Age. 2017. No 17. URL: <https://www.heroicage.org/issues/17/mcnair.php> (дата посещения - 10.12.2020)*).

²⁷ См. подробно с критическим обзором мнений: *Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća)*. Zagreb, 2011. S. 179–183, 196–199.

²⁸ *Budak N. Slavic Ethnogenesis in Modern Northern Croatia // Slovenija in sosednje dežele med antiko i karolinško dobo. Začetke slovenske etnogeneze / Ur. R. Bratož. Ljubljana, 2000. S. 395–402.*

раскопок в Бойне, где, помимо упомянутого некрополя, обнаружены также следы поселения, в структуру которого, вероятно, входила и крепость. Как справедливо отмечает исследователь, ссылаясь на характерные черты погребений хорватского правящего слоя (Бискупия под Книном и др.), облик «княжеского» погребения в Бойне, где обнаружены такие же характерные предметы франкской воинской экипировки, подвеска из горного хрусталя и, что особенно показательно, золотой солид Константина V Копронима, позволяет идентифицировать похороненного здесь человека как представителя хорватской политической элиты.

Ссылаясь на известное упоминание Сисакской епископии в документах Сплитского собора 925 г. как одного из епископств, предлагавшихся хорватскому епископу Григорию Нинскому взамен упраздняемой Нинской епископии, Н. Будак заключает, что к этому времени Сисак, некогда являвшийся резиденцией Людевита Посавского, должен был находиться под хорватской властью. Соответственно, «княжеское» погребение в Бойне исследователь ставит в контекст установления хорватского контроля над округой Сисака. Пытаясь реконструировать исторический контекст хорватской экспансии в этот регион, Н. Будак обращается и к известному свидетельству трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» о том, как часть хорватов из Далмации переселилась «в Иллирик и Паннонию», где у них появился свой «архонт», обменивавшийся дарами и посольствами с «архонтом» (Далматинской) Хорватии. По мысли Н. Будака, этим «Иллириком и Паннонией» как раз и могла быть южная часть бывшего дуката Людевита, доставшаяся после поражения мятежного посавского князя хорватам, оставшимся в кризисной ситуации лояльными императору.

Предложенная Будаком интерпретация «княжеского» погребения в Бойне — поселения, весьма удаленном от известных хорватских центров IX в. — как индикатора раннего хорватского присутствия в регионе Сисака в целом представляется убедительной. Она выглядит тем более привлекательной, что подразумевает постепенное, обусловленное меняющейся геополитической ситуацией в регионе, проникновение хорватов в Посавье. По крайней мере, эта концепция, гипотетический характер которой неоднократно подчеркивается самим автором, представляется более логичной и продуманной, чем распространенные в прежней историографии представления о том, что присоединение Сисака произошло лишь в правление Томислава или что хорваты сразу овладели всей территорией бывшего Посавского княжества в междуречье Купы, Савы и Дравы.

Каким бы обширным ни было в середине IX в. гентильное «королевство хорватов», распространение и закрепление на его территории хорватской групповой идентичности, как справедливо подчеркивает исследователь, осуществлялось благодаря не только военной силе хорватского правителя, но и идеологии, которая должна была легитимировать и укреплять власть «народа хорватов» и его правящей династии. Разбирая приведенную в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» хорватскую этногенетическую легенду, определенно служившую такой «идеологией», Будак поддержал высказанную недавно А. Милошевичем гипотезу, согласно которой в фигуре легендарного хорватского архонта Порина, в правление которого хорваты освободились от власти франков и приняли крещение, следует усматривать подвигшийся соответствующей «историзации» образ славянского бога Перуна²⁹.

---

²⁹ *Milošević A.* Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // SHP. Ser. III. 2013. Sv. 40. S. 127–134. — В развитие темы см.: *Алимов Д. Е.* Хорваты, культ Перуна и славянский

Данная позиция Н. Будака уже подверглась критике со стороны П. Штиха, по мнению которого, в отличие от сугубо мифологического сюжета о пяти братьях и двух сестрах, возглавивших, согласно информации трактата, переселение хорватов из Великой Хорватии в Далмацию, рассказ о победе хорватов над франками и их крещении при Порине содержит в себе исторические реминисценции из эпохи правления Борны³⁰. Не считая такую критику справедливой³¹, отметим, что недавно А. С. Щавелевым был выдвинут дополнительный аргумент в пользу отождествления легендарного хорватского князя, именуемого в 30-й главе трактата Порином, а в 31-й — Поргой, со славянским языческим божеством. Исследователь обратил внимание на имена богов Поренута и Поревита, статуи которых, по известному сообщению Саксона Грамматика, вместе со статуей бога Ругевита находились в языческом святилище славянского племени ругян на острове Рюген. По мнению А. С. Щавелева, сходство основ имен Перуна, Порины, Порги, Поренута и Поревита может быть объяснено с помощью гипотезы Р. Якобсона о сознательном искажении исходного теонима вследствие существования табу на произнесение оригинального имени божества³². Принятие подобного толкования подразумевает, что во всех названных случаях речь идет именно о Перуне и/или его функциональных ипостасях.

Эту мысль А. С. Щавелева следует дополнить суждениями современных исследователей относительно характера культа Ругевита, с которым культы Поревита и Поренута были, судя по всему, тесно связаны. Так, есть все основания полагать, что в случае с Ругевитом, которого Саксон Грамматик в своем знаменитом описании святилища в Коренице уподоблял Марсу, речь идет о божестве, культ которого был, прежде всего, связан с князем и его дружиной³³, что вызывает ассоциации с культом Перуна, каким он фиксируется на Руси в X в. При этом интерпретация имени Поренута как «Перун» или «Перунич» открывает возможность рассматривать это божество соответственно либо как одну из ипостасей Перуна, который в этом случае может быть отождествлен с Ругевитом³⁴, либо как сына Перуна (Ярилу)³⁵. Так или иначе, отождествление легендарного хорватского архонта Порины с Перуном в свете привлеченных А. С. Щавелевым ругянских аналогий становится еще более убедительной гипотезой.

Полагая, что появление хорватского мифа о происхождении было связано с утверждением в Далмации новой, уже собственно хорватской, династии, пришедшей на смену

«гентилизм». (Комментарий к гипотезе Анте Милошевича о тождестве Порины и Перуна) // SSBP. 2015. № 2 (18). С. 21–64.

³⁰ *Štih P.* O novi knjigi, novejši hrvaški historiografiji in novih pogledih... S. 481–482.

³¹ Аргументы против отождествления Порины с Борной см.: *Алимов Д. Е.* Хорваты, культ Перуна и славянский «гентилизм»... С. 27.

³² *Щавелев А. С.* Как найти хорватов? О монографии Д. Е. Алимова «Этногенез хорватов» // *Slověne*. 2018. Т. 7. № 1. С. 442–443.

³³ См. подробно: *Banaszkiewicz J.* Pan Rugii — Rugiewit i jego towarzysze z Gardźca: Porewit i Porenut (Saxo Gramatyk, Gesta Danorum, XIV, 39, 38–41) // *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. Т. 1. Plemiona i wczesne państwa / Red. Z. Kurnatowska. Wrocław, 1996. S. 75–82. — О дружинном характере культа Ругевита см. также: *Ганина Н. А.* Тайны ругенских славян // SSBP. 2015. № 2 (18). С. 76–78.

³⁴ *Гейштор А.* Мифология славян. М., 2014. С. 120.

³⁵ *Łuczyński M.* Językowo-kulturowy obraz Jaryły~Jarowita (próba rekonstrukcji) // *Nomos*. Czasopismo religioznawcze. 2013. Nr 80. S. 94–96.

гудусканской династии Борны и, возможно, стремившейся от нее дистанцироваться, Будак заключает: «Создание хорватской идентичности (которая, возможно, имела определенный авторитет еще с аварской эпохи), формирование мифа о божественном происхождении (от Перуна), переселении и победе над аварами и крещении могли быть средством династической борьбы за власть, но и имели своим результатом создание хорватского этноса и королевства» (с. 110). Как и следовало ожидать, подобное понимание раннесредневекового хорватского этногенеза и политогенеза (представляющееся нам совершенно правильным) неминуемо подводит исследователя и к более адекватному историческим реалиям взгляду на такой важный процесс, как христианизация. В историографии уже указывалось, что так называемое «крещение хорватов», о котором сообщается в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», является таким же нарративным конструктом, как и их «переселение» из Великой Хорватии в Далмацию, вследствие чего традиционная картина обращения язычников-хорватов в христианство франкскими и/или далматинскими миссионерами нуждается в существенной корректировке. Подчеркивая, что хорваты сформировались на основе общества, частью состоявшего из автохтонного населения, а частью — из «варваров», уже несколько поколений проживавших в Далмации, Будак вполне логично допускает возможность «капиллярного» распространения христианства среди «варваров» в ходе их контактов с сообществами автохтонов, которые, сохраняясь в хинтерланде Далмации, должны были, по крайней мере, сохранять христианскую идентичность, пусть и не всецело следуя при этом общепринятым литургическим практикам.

Такой же постепенной и, по-видимому, не связанной с какими-либо крупномасштабными обращениями была деятельность миссионеров, прибывавших в Хорватию из церковных центров Северной Италии (прежде всего, из Аквилеи) и городов византийской Далмации: обращая внимание на отсутствие достоверных свидетельств о целенаправленных миссиях и о каком-либо сопротивлении жителей Хорватии христианизации, Н. Будак склонен думать, что «небольшие группы языческих пришельцев постепенно интегрировались в христианский мир автохтонов, без ярких миссионерских акций и военной силы, которая бы их поддерживала» (с. 147). Пути проникновения христианских миссионеров в Хорватию обычно реконструировались на основании посвящений древнейших хорватских храмов — в историографии, к примеру, давно обращалось внимание на присутствие среди патронимов имен святых, почитавшихся на землях Аквилейского патриархата. Важным вкладом Н. Будака в изучение данной проблематики является внимание, которое исследователь уделил хорватскому культу св. Варфоломея. Основываясь на расположении посвященных этому святому храмов, исследователь пришел к выводу, что культ св. Варфоломея был в Хорватии княжеским культом³⁶. В частности, св. Варфоломею был посвящен бенедиктинский монастырь на Капитуле в Книне, который, судя по стилю происходящих из него наиболее ранних скульптурных деталей, а также датировке храмов, находившихся на принадлежавших этому монастырю землях, мог быть основан еще в первой половине IX в., будучи, таким образом, более древним, чем основанный Трпимиром монастырь в Рижинице под Сплитом. На основании того

---

³⁶ Более подробно результаты исследования этой темы изложены Н. Будаком в статье: *Budak N. Was the cult of St. Bartholomew a royal option in early Medieval Croatia? // The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways. Festschrift in Honor of János M. Bak / Ed. by B. Nagy and M. Sebök. Budapest, 1999. P. 241–249.*

факта, что св. Варфоломей пользовался особым почитанием в Беневенто, исследователь высказывает интересную и, несомненно, заслуживающую дальнейшего подробного обсуждения гипотезу, что обращение в христианство представителей рода дукса Борны, определенно правившего в Книне, было делом рук лангобардских миссионеров из Беневенто.

Н. Будак выказывает большую и, с нашей точки зрения, совершенно оправданную осторожность в вопросе церковной юрисдикции над Хорватией в период, который предшествовал сплитским соборам 925 и 928 гг., утвердившим создание единой, охватившей и Хорватию, и византийскую Далмацию, церковной провинции с центром в Сплите. Исследователь уходит от традиционного для историографии противопоставления франкско-аквилейской и римско-далматинской версий устройства хорватской церковной жизни, следуя за источниками, позволяющими говорить как о роли в этом процессе Аквилеи, так и о влиянии Сплита и других далматинских епископий, которое, на взгляд Н. Будака, не было подорвано политическим разграничением Аахенского мира. В вопросе основания Сплитской архиепископии Будак также демонстрирует более нюансированный подход, чем те исследователи, которые безоговорочно относят это событие либо к середине VII, либо к концу VIII в. Приводя уже звучавшие в историографии доводы в пользу датировки 640-ми годами деятельности первого сплитского архиепископа Иоанна Равеннского, исследователь, вместе с тем, обосновывает мнение, что претензии Сплита на преемственность по отношению к церкви Салоны и, соответственно, на роль главного церковного центра всей Далмации оформились лишь на исходе VIII в. — с этой эпохой исследователь связывает не только обусловленное благоприятной политической и экономической ситуацией в Средиземноморье оживление Сплита и других далматинских центров³⁷, но и создание легенды о перенесении реликвий свв. Домния и Анастасия из Салоны в Сплит, позволившей придать сплитской кафедре апостольский авторитет³⁸. До этого, как предполагает исследователь, ссылаясь на результаты исследований И. Петрович, позволяющие говорить о задарском происхождении древнейших далматинских агиографических текстов, церковная традиция Салоны сохранялась не в Сплите, а в Задаре — городе, ставшем после угасания Салоны политическим центром (византийской) Далмации. Что касается Нинской епископии, возникшей в IX в. на территории Хорватского княжества, то ее появление Н. Будак, следуя в данном случае за известной гипотезой М. Барады, связывает с обстоятельствами 860-х гг., когда в условиях конфликта между Константинополем и Римом далматинские епископы предположительно оказались в церковной юрисдикции Константинополя. Не желая, чтобы хорватская церковь также оказалась в подчинении Константинополя, хорватский правитель будто бы санкционировал создание собственного епископства, что впоследствии было признано Римом.

³⁷ Изучению экономической конъюнктуры в Далмации посвящена недавно вышедшая работа исследователя: *Budak N. One more Renaissance? Dalmatia and the revival of the European economy // Imperial Spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812) / Ed. by M. Ančić, J. Shepard and T. Vedriš. New York; Oxford, 2018. P. 174–191.*

³⁸ Подробно этот сюжет был рассмотрен автором в специальной статье: *Budak N. Furta sacra et inventio traditionis. Je li doista postojao kontinuitet između Salonitanske i Splitske biskupije? // Munuscula in honorem Željko Rapanić / Ur. M. Jurković, A. Milošević. Zagreb; Motovun; Split, 2012. S. 157–179.*

Вопреки распространенному мнению, что с Бранимиром, пришедшим к власти после свержения с власти византийского ставленника Здеслава и завязавшим прочные связи с Римом, Хорватия становится полностью самостоятельной, независимой как от Византии, так и от франков, Будак рассматривает Бранимира как формального вассала франков. Вместе с тем, правление Бранимира было лишь франкским *интермеццо*, так как с ослаблением франкской власти долговременный тренд определился в пользу Византии. Ромей, как объясняет исследователь, последовательно втягивали Хорватию в свой *Commonwealth*, чтобы обезопасить далматинские города. К сближению с Хорватией их подталкивала и серьезная болгарская угроза, явственно обозначившаяся в правление Симеона (893–927). Начало процесса перехода Хорватии из франкской в византийскую сферу исследователь связывает с правлением Здеслава и именно этому правителю (а не Бранимиру, как считалось ранее) приписывает начало получения дани, прежде выплачивавшейся далматинскими городами Константинополю, но решением Василия I перенаправленной славянским архонтам на Адриатике в обмен на мир и безопасность. Называя связь с Византией «константой политики Трпимировичей», Н. Будак выстраивает в единую линию не только провизантийского Здеслава, но и хорватских правителей, правивших после Бранимира, начиная с Томислава, если даже не с Мунцимира.

Своей кульминации византийско-хорватское сближение, очевидно, весьма выгодное для обеих сторон, достигло в правление Степана Держислава (969–997). Держислав стал одновременно и королем, получив соответствующие инсигнии из Константинополя, и византийским чиновником — «эпархом Хорватии и Далмации» с титулом патрикия. Фокусируя внимание на новом статусе, обретенном хорватским правителем, Н. Будак поддерживает гипотезу М. Анчича³⁹, согласно которой именно при Держиславе оформилась та версия хорватской истории, которая представлена в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»: помимо рассказа о переселении хорватов из Великой Хорватии и других ключевых событиях, она содержит в себе легитимацию верховной власти, превратившую бога Перуна в древнего правителя хорватов. Между тем, в силу нестабильности внутренней ситуации в Хорватии новый порядок, обеспечивавший единство Хорватии и Далмации под скипетром короля-эпарха, не продержался долго: раздор между сыновьями Держислава побудил Византию передать Далмацию в управление венецианскому дожу Петру II Орсеоло, совершившему в 1000 г. свой известный поход на Далмацию. Вместе с тем подробно описанная Н. Будаком дальнейшая история борьбы хорватских королей за контроль над Далмацией, которую им приходилось вести с Венецией и/или Константинополем, ясно дает понять, что начавшая складываться при Томиславе и окончательно кристаллизовавшаяся при Держиславе система, обеспечивавшая Хорватии весьма политически выгодное положение в структурах «Византийского содружества», как политический идеал не утрачивала своей актуальности вплоть до середины XI в.

Середина XI в. стала для Хорватии временем отхода от Византии и сближения с Римским престолом, становившимся в это время проводником церковных реформ, вдохновленных развернувшимся веком ранее клонийским движением: в 1060 г., когда хорватский престол занимал Петр Крешимир IV Великий (1058–1074), Рим инициировал проведение церковного

---

³⁹ Ančić M. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela De administrando imperio // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 133–152.

собора в Сплите, распространившего действие реформы на Далмацию и Хорватию. Не исключая, что сближение Хорватии с Римом могло наступить еще в правление короля Степана II, который, как доказывает Н. Буда, был тем самым правителем, который преподнес попугая в подарок папе Льву IX (1049–1054)⁴⁰, исследователь внимательно проследивает признаки влияния Рима на хорватскую политику в правление Петра Крешимира IV. Первоочередным свидетельством такого влияния Н. Буда считает проведенное Римом расследование гибели брата Петра Крешимира — Гойслава. Задаваясь вопросом, что именно дало возможность папе Александру II (1061–1073) фактически распоряжаться тронном Хорватского королевства, «возвращая» его Петру Крешимиру после того, как с него были сняты несправедливые обвинения, исследователь высказывает убедительную гипотезу об изначальном политическом союзе Петра Крешимира с Римским престолом. Существование хорватско-римского союза, в свою очередь, не позволяет Н. Будаку трактовать вторжение в Хорватию норманнского полководца Амиго, сумевшего около 1074 г. в районе Биограда захватить в плен хорватского короля, как акцию, якобы предпринятую в интересах Рима с целью ослабить противников церковной реформы — хорватских глаголяшей. Такому мнению, некогда высказывавшемуся в хорватской историографии, Н. Будаку противопоставляет иную гипотезу, которая в контексте международной ситуации в Средиземноморье выглядит куда более логичной: Амиго должен был действовать в интересах Константинополя, недовольного как выходом Хорватии из византийской сферы влияния, так и стремлением Петра Крешимира IV установить свое господство над городами Далмации.

Своей кульминации сближение Хорватии с Римом достигло в правление Дмитрия Звонимира (1075–1089), получившего в 1075 г. корону из рук папы Григория VII (1073–1085). Отмечая, что коронацию Звонимира необходимо рассматривать в длинном ряду опытов папы Григория по установлению папской супрематии над европейскими монархиями (Сицилия, Дукля, Леон, Арагон, Польша), Н. Буда, тем не менее, дает понять, что дело отнюдь не сводилось лишь к амбициозным планам Рима. Логика рассуждений исследователя отчасти обусловлена критикой влиятельной гипотезы М. Барады, согласно которой Звонимир, ставший престолонаследником Петра Крешимира, изначально был правителем Славонской бановины и, хотя и не являлся близким родственником короля, все же был представителем правящего рода⁴¹. Рассуждая о происхождении Звонимира, Н. Буда справедливо указывает на слабые места этой

⁴⁰ Ранее безымянный даритель попугая, обозначенный в Жизнеописании Льва IX как «rex Dalamarcie», ошибочно считался королем Дании. См.: *Budak N. Njemački papa i hrvatski papagaj // HZ. 2018. God. 71 (1). S. 1–5.*

⁴¹ Предполагалось, что во второй трети XI в. в Славонии, якобы отнятой у хорватов в 1027 г. венгерским королем Иштваном I, в качестве зависимого от него локального правителя правил Степан — сын хорватского короля Светослава, отданный им в 1000 г. в заложники в Венецию и женившийся там на дочери дожа Петра II Орсеоло Хицелле, а после изгнания Орсеоло из Венеции нашедший приют в Венгрии при дворе Иштвана, который приходился тестем сыну дожа Оттону. В рамках данной реконструкции событий Звонимир объявлялся потомком Степана Светославича, вследствие чего его провозглашение престолонаследником могло рассматриваться как блестящий политический маневр, с помощью которого Петр Крешимир IV обеспечил восстановление нарушенного единства Хорватского королевства. См.: *Barada M. Dinastičko pitanje u Hrvatskoj XI. stoljeća // VAND. 1928–1929. Sv. 50. S. 157–199.*

некогда популярной гипотезы. Так, есть все основания сомневаться в отождествлении хорватского короля Сурони, передавшего, по сообщению Иоанна Диякона, своего сына Степана заложником в Венецию в 1000 г. со Светославом, вскоре свергнутым с престола своими братьями. Признавая недостаточность сведений для окончательного решения, Будак все же считает возможным склониться к мнению, согласно которому Суруней в тексте Иоанна Диякона был назван Крешимир III — победивший в междоусобице брат Светослава, правивший в Хорватии после 1000 г. вместе со своим братом Гойславом. Такая интерпретация, естественно, предполагает отождествление отданного в заложники Степана с будущим хорватским королем Степаном II и, соответственно, отказ от каких бы то ни было спекуляций о правлении в Славонии боковой ветви династии Трпимировичей — так называемых «Светославичей».

Со скепсисом отнесся Н. Будак и к другому распространенному в историографии тезису — о том, что восшествие на престол Звонимира было естественным образом обусловлено болезнью сына Петра Крешимира IV Степана, вынужденного по состоянию здоровья отказаться от наследования отцовского престола и постричься в монахи. Во-первых, замечает исследователь, Степан стал монахом сплитского монастыря св. Стефана «под соснами» лишь через несколько лет после коронации Звонимира. Во-вторых, в дарственной грамоте, данной Степаном упомянутому монастырю, в качестве владельца земли, соседствовавшей с патримонием Степана, фигурирует некий его племянник, который, как отмечает Н. Будак, мог быть сыном как сестры, так и некоего неизвестного нам брата Степана. Так или иначе, в свете этих обстоятельств у нас не может быть уверенности в том, что дорогу Звонимиру к трону обеспечило пресечение династии Трпимировичей, вследствие чего соответствующий, многократно повторяемый в историографии тезис должен считаться не более чем гипотезой.

Не считая Звонимира представителем рода Трпимировичей, Н. Будак убедительно связывает его обращение к Риму со стремлением получить легитимацию своего статуса как правителя, не связанного с традициями прежней династии. Коронация Звонимира в Солине, а не в Биограде — «столице» Петра Крешимира — стала, в интерпретации Будака, первым символическим актом разрыва с прежней династией. Выбор Солина, расположенного поблизости от Сплита, означал также горячую приверженность нового монарха делу осуществляемой Римом церковной реформы, основным проводником которой в Хорватии был сплитский архиепископ Лаврентий (1060–1099). Другим актом, указывавшим на разрыв с прежней династией, исследователь считает передачу Звонимиром папе ризницы монастыря св. Григория во Вране, где среди прочих реликвий хранились королевские инсигнии Трпимировичей — две золотые короны, вероятно, полученные при Держиславе. Подобное же значение имела, по мнению Н. Будака, и передача Сплитскому архиепископству монастыря св. Марии «на острове» в Солине, основанного женой Михаила Крешимира II Еленой и служившего в X–XI вв. мавзолеем династии Трпимировичей.

Интерпретация правления Звонимира как принципиально нового, сознательно порывавшего с предшествующей традицией, политического опыта превращения Хорватского королевства в «лен Святого престола» позволяет Н. Будаку по-новому взглянуть и на драматические события, развернувшиеся в Хорватском королевстве на рубеже XI и XII столетий и увенчавшиеся в 1102 г. восхождением на хорватский престол венгерского короля Коломана из династии Арпадов. В традиционном историческом

нарративе, в общих чертах сформировавшемся уже во второй половине XIX в., приход к власти «иностранный» династии, как известно, трактовался как утрата Хорватией независимости. Притом, что подобная трактовка событий давно признана упрощением, Будак делает очередной шаг в их исторической контекстуализации. Основываясь на результатах новейших исследований, исследователь дает читателю выверенную в своих деталях картину событий 1091–1102 гг., взаимоотношений Рима, Арпадов и хорватских элит, оказавшихся после смерти Звонимира и кратковременного правления вынужденно покинувшего монастырь Степана в ситуации своего рода политического вакуума. В результате такой контекстуализации восхождение на хорватский престол Коломана видится исследователю событием, не только положившим конец политической фрагментации 1090-х гг. и восстановившим единство Хорватского королевства, но и означавшим — вопреки устаревшим трактовкам — восстановление его самостоятельности ввиду ликвидации зависимости от Рима.

Хотя полемика по отдельным вопросам раннесредневековой хорватской истории, несомненно, продолжится и после выхода книги Н. Будака, отмеченные выше важные элементы авторской концепции (континуитет автохтонного населения, гетерогенный характер ранней хорватской общности, политическое развитие, определяемое меняющимся положением Хорватии в зоне интеракции трех «Римов» — Франкской державы, Византии и папства, разные источники легитимации хорватских правителей и обусловленная этим политическая динамика) представляются не только убедительными, но и создающими удобные теоретические рамки для дальнейшей контекстуализации исторической информации. Это позволяет думать, что рассматриваемая книга, в которой предпринята сознательная попытка интерпретации событий и процессов хорватской истории VI–XI вв. в широких региональных контекстах раннесредневековой Европы, станет не просто очередной вехой, но и новой отправной точкой в исследовании и осмыслении хорватского раннего Средневековья.

Информация о статье

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-06-00464 А «Историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной Мир-Системе».

Автор: Алимов, Денис Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, OrcID 0000-0002-4733-4150; e-mail: d.alimov@spbu.ru

Заголовок: Новаторский синтез раннесредневековой хорватской истории (О книге Н. Будака «Хорватская история с 550 до 1100 г.»)

Резюме: Статья представляет собой рецензию на книгу хорватского историка Невена Будака «Хорватская история с 550 до 1100 г.» (Budak, Neven. *Hrvatska povijest od 550. do 1100.* Zagreb: Leykam international, 2018. 352 s.). Книга Будака представляет собой новаторский концептуальный синтез раннесредневековой истории Хорватии, в полной мере учитывающий последние достижения истории и археологии. С новых теоретических и методологических позиций в книге рассматриваются процессы перехода от античности к Средневековью на территории Далмации, Истрии и южной Паннонии, становление хорватской этнической общности, формирование хорватской политики и социально-политическое развитие Хорватского королевства в IX–XI вв. Отличительной чертой книги является то, что раннесредневековая хорватская история рассматривается в ней в широком европейском контексте, с большим вниманием к событиям и процессам, происходившим в Византии, империи Каролингов, Риме, Венеции, Венгерском королевстве и др., что позволило исследователю адекватно интерпретировать важнейшие события и процессы хорватского раннего Средневековья. Создавая удобные теоретические рамки для дальнейшей контекстуализации исторической информации, книга может стать новой отправной точкой в исследовании и осмыслении хорватского раннего Средневековья.

Ключевые слова: раннее Средневековье, раннесредневековая Хорватия, Хорватское королевство

Литература, использованная в статье:

Алимов, Денис Евгеньевич. Хорваты, культ Перуна и славянский «гентилизм». (Комментарий к гипотезе Анте Милошевича о тождестве Порина и Перуна) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2 (18). С. 21–64.

Алимов, Денис Евгеньевич. Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. 380 с.

Ганина, Наталья Александровна. Тайны рюгенских славян // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 2 (18). С. 65–81.

Гейштор, Александр. Мифология славян / Пер. с польского А. М. Шпирта. Москва: Весь Мир, 2014. 384 с.

Щавелев, Алексей Сергеевич. Как найти хорватов? О монографии Д. Е. Алимова «Этногенез хорватов» // *Slovĕne*. 2018. Т. 7. № 1. С. 437–449.

Ančić, Mladen. Franački i langobardski utjecaji pri stvaranju i oblikovanju Hrvatske Kneževine // *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 2016. Sv. 43. S. 217–238.

Ančić, Mladen. Kako danas čitati studije Franje Račkoga // *Rački, Franjo.* Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća / *Priredio Mladen Ančić.* Zagreb: *Golden marketing* — Tehnička knjiga, 2009. S. VII–XXXVIII.

Ančić, Mladen. Migration or Transformation: The Roots of the Early Medieval Croatian Polity // *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire* / Ed. by Danijel Dzino, Ante Milošević, Trpimir Vedriš. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 43–62.

Ančić, Mladen. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela *De administrando imperio* // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*. 2010. Knj. 41. S. 133–151.

Banaszkiewicz, Jacek. Pan Rugii — Rugiewit i jego towarzysze z Gardźca: Porewit i Porenut (Saxo Gramatyk, *Gesta Danorum*, XIV, 39, 38–41) // *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. T. 1. Plemiona i wczesne państwa / Red. Zofia Kurnatowska. Wrocław: Wydawnictwo «Werk», 1996. S. 75–82.

Barada, Miho. Dinastičko pitanje u Hrvatskoj XI. stoljeća // *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*. 1928–1929. Sv. 50. S. 157–199.

Bilogrivić, Goran. Borna, dux Guduscanorum — Local Groups and Imperial Authority on the Carolingian Southeastern Frontier // *Hortus artium medievalium*. 2019. Vol. 25. P. 170–176.

Bilogrivić, Goran. Carolingian weapons and the problem of Croat migration and ethnogenesis // *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire* / Ed. by Danijel Dzino, Ante Milošević, Trpimir Vedriš. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 86–102.

Brett, Caroline. Brittany and the Carolingian Empire: A Historical Review // *History Compass*. 2013. Vol. 11. P. 268–279.

Budak, Neven. Carolingian renaissance or renaissance of the 9th century on the Eastern Adriatic? // *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire* / Ed. by Danijel Dzino, Ante Milošević, Trpimir Vedriš. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 32–42.

Budak, Neven. Croatia between the Myths of the Nation State and of the Common European Past // *Quest for a Suitable Past. Myth and Memory in Eastern and Central Europe* / Ed. by Claudia-Florentina Dobre and Cristian Emilian Ghiță. Budapest: CEU, 2017. P. 29–50.

Budak, Neven. Furta sacra et inventio traditionis: je li doista postojao kontinuitet između Salonitanske i Splitske biskupije? // *Munuscula in honorem Željko Rapanić: zbornik povodom osamdesetog rođendana* / Ur. Miljenko Jurković, Ante Milošević. Zagreb; Motovun; Split: Međunarodni istraživački centar za kasnu antiku i srednji vijek, 2012. S. 157–179.

Budak, Neven. Hrvati u ranom srednjem vijeku // *Povijest Hrvata*. Knj. 1: Srednji vijek / Glavni urednik Franjo Šanjek. Zagreb: Školska knjiga, 2003. S. 49–79.

Budak, Neven. Hrvatska i Bizant u 10. stoljeću // *Tabula: časopis Filozofskog fakulteta u Puli*. 2014. Sv. 12. S. 51–63.

Budak, Neven. Hrvatski identitet i povijest // *Identitet kao odgojno-obrazovna vrjednota* / Ur. Valentina Blaženka Mandarić i Ružica Razum. Zagreb: Glas Koncila, 2011. S. 105–120.

Budak, Neven. Hrvatska povijest od 550. do 1100. Zagreb: Leykam international, 2018. 352 s.

Budak, Neven. Identities in early medieval Dalmatia (seventh – eleventh century) // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe* / Ed. by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk. Turnhout: Brepols Publishers, 2008. P. 223–241.

- Budak, Neven.* Karlo Veliki: Karolinzi i Hrvati. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2001. 128 s.
- Budak, Neven.* Njemački papa i hrvatski papagaj // Historijski zbornik. 2018. God. 71 (1). S. 1–5.
- Budak, Neven.* One More Renaissance? Dalmatia and the Revival of the European Economy // Imperial spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812) / Ed. by Mladen Ančić, Jonathan Shepard and Trpimir Vedriš. New York; Oxford: Routledge, 2018. P. 174–192.
- Budak, Neven.* Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 1994. 248 s.
- Budak, Neven.* Razvitak hrvatskog etničkog identiteta // Nova zraka u europskom svjetlu: hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku: (oko 550 – oko 1150) / Ur. Zrinka Nikolić Jakus. Zagreb: Matica hrvatska, 2015. S. 73–88.
- Budak, Neven.* Slavic Ethnogeneses in Modern Northern Croatia // Slovenija in sosednje dežele med antiko i karolinško dobo. Začetke slovenske etnogeneze / Ur. Rajko Bratož. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2000. S. 395–402.
- Budak, Neven.* Using the Middle Ages in Modern-Day Croatia // Gebrauch und Missbrauch des Mittelalters, 19.–21. Jahrhundert / Uses and Abuses of the Middle Ages: 19th–21st Century / Usages et Mésusages du Moyen Age du XIXe au XXe siècle / Ed. by Janos M. Bak, Jörg Jarnut, Pierre Monet, Bernd Schneidmüller. München: Wilhelm Fink, 2009. P. 241–262.
- Budak, Neven.* Was the cult of St. Bartholomew a royal option in early Medieval Croatia? // The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways. Festschrift in Honor of János M. Bak / Ed. by Balázs Nagy and Marcell Sebök. Budapest: Central European University Press, 1999. P. 241–249.
- Davies, Wendy.* On the Distribution of Political Power in Brittany in the Mid-Ninth Century // Charles the Bald: Court and Kingdom / Ed. by Margaret T. Gibson and Janet L. Nelson. Oxford: British Archaeological Reports, 1981. P. 87–107.
- Dzino, Danijel.* Becoming Slav, Becoming Croat: Identity Transformations in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia. Leiden; Boston: Brill, 2010. 271 p.
- Dzino, Danijel.* From Byzantium to the West: «Croats and Carolingians» as a Paradigm Change in the Research of Early Medieval Dalmatia // Migration, integration and connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire / Ed. by Danijel Dzino, Ante Milošević, Trpimir Vedriš. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 17–31.
- Dzino, Danijel.* Post-Roman Dalmatia: Collapse and Regeneration of a Complex Social System // Imperial spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812) / Ed. by Mladen Ančić, Jonathan Shepard and Trpimir Vedriš. New York; Oxford: Routledge, 2018. P. 155–173.
- Geary, Patrick.* The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton: Princeton University Press, 2002. 199 p.
- Goldstein, Ivo.* Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb: Novi Liber, 1995. 511 s.
- Gračanin, Hrvoje.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). Zagreb: Plejada, 2011. 455 s.
- Grafenauer, Bogo.* Sklabarhontes = «gospodarji Slovanov» ili «slovanski knazi»? // Zgodovinski časopis. 1955. Letnik IX. S. 202–219.
- Hauptmann, Ljudmil.* Karantanska Hrvatska // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1925. S. 297–317.
- Karbić, Damir.* Zlatni vijek Bribira // Hrvatska revija. 2007. God. VII. Br. 2. S. 12–19.
- Klaić, Nada.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb: Školska knjiga, 1971. 593 s.
- Luczyński, Michał.* Językowo-kulturowy obraz Jaryły~Jarowita (próba rekonstrukcji) // Nomos. Czasopismo religioznawcze. 2013. Nr 80. S. 85–97.
- Margetić, Lujo.* Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. Neven Budak. Zagreb: Nakladni zavod Matice Hrvatske: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1995. S. 144–147.
- McNair, Fraser.* Sub-kingdoms and the Spectrum of Kingship on the Western Border of Charles the Bald's Kingdom // The Heroic Age. 2017. No. 17. URL: <https://www.heroicage.org/issues/17/mcnair.php>.
- Milošević, Ante.* Die Spätantike Territoriale und Kulturelle Kontinuität in der Frühmittelalterlichen Cetinagegend // Hortus artium medievalium. 1995. Vol. 1. P. 169–175.
- Milošević, Ante.* Križevi na obložnicama ranosrednjovjekovnih grobova u okolici Sinja. Dubrovnik; Split: Omega engineering: Filozofski fakultet u Splitu, Centar Studia mediterranea, 2008. 104 s.
- Milošević, Ante.* Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. 2013. Sv. 40. S. 127–134.

Nova zraka u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 – oko 1150) / Ur. Zrinka Nikolić Jakus. Zagreb: Matica hrvatska, 2015. 655 s.

Shepard, Jonathan. Bunkers, Open Cities and Boats in Byzantine Diplomacy // *Byzantium, Its Neighbours and Its Cultures* / Ed. by Danijel Dzino and Ken Parry. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. P. 11–44.

Smith, Julia M. H. Province and Empire: Brittany and the Carolingians. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 257 p.

Šišić, Ferdo. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1925. 749 s.

Štih, Peter. O novi knjigi, novejši hrvaški historiografi ji in novih pogledih na hrvaško zgodnesrednjeveško zgodovino // *Zgodovinski časopis*. 2018. Letnik 72. Št. 3–4. S. 464–497.

Vedriš, Trpimir; Agičić, Damir. Prof. dr. sc. Neven Budak — biobibliographica sexagenario dicata // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2017. Knj. 49. S. 11–31.

Information about the article

The study was conducted within the framework of the research project supported by the Russian Fund for Fundamental Research, project no. 17-06-00464 A «Historical Dynamics of Political Institutions: From Local Potestarity to the Global World-System».

Author: Alimov, Denis Evgenievich — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ORCID 0000-0002-4733-4150; e-mail: d.alimov@spbu.ru

Title: An innovative synthesis of Early Medieval Croatian history (On N. Budak's book «The Croatian history from 550 to 1100»)

Summary: The article is a review of the book by the Croatian historian Neven Budak «Croatian history from 550 to 1100» (Budak, Neven. *Hrvatska povijest od 550. do 1100*. Zagreb, Leykam international, 2018. 352 p.). Budak's book is an innovative conceptual synthesis of the early medieval history of Croatia taking full account of the latest achievements in history and archeology. From new theoretical and methodological positions, the book examines the processes of transition from antiquity to the Middle Ages in Dalmatia, Istria, and southern Pannonia, the formation of the Croatian ethnic community, the formation of Croatian polity and the socio-political development of the Croatian kingdom in the 9th–11th centuries. An important feature of the book is that the early medieval Croatian history is examined in it in a wider European context, with great attention to events and processes that took place in Byzantium, the Carolingian Empire, Rome, Venice, the Kingdom of Hungary, etc., which allowed the researcher to adequately interpret the most important events and the processes of the Croatian early Middle Ages. By creating a convenient theoretical framework for the further contextualizing of historical information, the book can serve as a new starting point for research and understanding of the Croatian early Middle Ages.

Keywords: Early Middle Ages, early medieval Croatia, Croatian kingdom

References:

Alimov, Denis Evgenievich. Khorvaty, kul't Peruna i slavyanskiy «gentilizm». (Kommentariy k gipoteze Ante Miloševića o tozhdestve Porina i Peruna) [The Croats, cult of Perun, and Slavic «Gentilism»]. (A commentary to Ante Milošević's hypothesis on the identity of Porin and Perun)], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 2 (18). Pp. 21–64. (in Russian).

Alimov, Denis Evgenievich. *Etnogenez khorvatov: Formirovanie khorvatskoy etnopoliticheskoy obschnosti v VII–IX vv.* [Ethnogenesis of the Croats: The formation of the Croatian ethno-political community in the 7th–9th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. 380 p. (in Russian).

Ančić, Mladen. Franački i langobardski utjecaji pri stvaranju i oblikovanju Hrvatske Kneževine [Frankish and Lombard influences in the creation and shaping of the Duchy of Croatia], in *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 2016. Vol. 43. Pp. 217–238. (in Croatian).

Ančić, Mladen. Kako danas čitati studije Franje Račkoga [How to read Franjo Rački's studies], in Rački, Franjo. *Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća* [Internal state of Croatia before the 12th century]. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga Publ., 2009. Pp. VII–XXXVIII. (in Croatian).

Ančić, Mladen. Migration or Transformation: The Roots of the Early Medieval Croatian Polity, in Dzino, Danijel; Milošević, Ante; Vedriš, Trpimir (eds). *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2018. Pp. 43–62.

Ančić, Mladen. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela De administrando imperio [Imagining the tradition: When and why the 30th chapter of the De administrando imperio was written], in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2010. Vol. 42. Pp. 133–152. (in Croatian).

- Banaszkiewicz, Jacek. Pan Rugii — Rugiewit i jego towarzysze z Gardźca: Porewit i Porenut (Saxo Gramatyk, Gesta Danorum, XIV, 39, 38–41) [Rugiewit, the lord of Rugia, and his companions from Garz: Porewit i Porenut (Saxo Gramatyk, Gesta Danorum, XIV, 39, 38–41)], in Kurnatowska, Zofia (ed.). *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. T. 1. Plemiona i wczesne państwa [*The Slavdom in medieval Europe*. Vol. 1. Tribes and early states]. Wrocław: Werk Publ., 1996. Pp. 75–82. (in Polish).
- Barada, Miho. Dinastičko pitanje u Hrvatskoj XI. Stoljeća [Dynastic question in the 11th century Croatia], in *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku*. 1928–1929. Vol. 50. Pp. 157–199. (in Croatian).
- Bilogrivić, Goran. Borna, dux Guduscanorum — Local Groups and Imperial Authority on the Carolingian Southeastern Frontier, in *Hortus artium medievalium*. 2019. Vol. 25. Pp. 170–176.
- Bilogrivić, Goran. Carolingian Weapons and the Problem of Croat Migration and Ethnogenesis, in Dzino, Danijel; Milošević, Ante; Vedriš, Trpimir (eds). *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2018. Pp. 86–102.
- Brett, Caroline. Brittany and the Carolingian Empire: A Historical Review, in *History Compass*. 2013. Vol. 11. Pp. 268–279.
- Budak, Neven. Carolingian renaissance or renaissance of the 9th century on the Eastern Adriatic?, in Dzino, Danijel; Milošević, Ante; Vedriš, Trpimir (eds). *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2018. Pp. 32–42.
- Budak, Neven. Croatia between the Myths of the Nation State and of the Common European Past, in Dobre, Claudia-Florentina; Ghiță, Cristian Emilian (eds). *Quest for a Suitable Past. Myth and Memory in Eastern and Central Europe*. Budapest: Central European University Press, 2017. Pp. 29–50.
- Budak, Neven. Furta sacra et inventio traditionis: je li doista postojao kontinuitet između Salonitanske i Splitske biskupije? [Furta sacra et inventio traditionis. Was there a continuity of Cults from the Salonitan to the Split Bishopric?], in Jurković, Miljenko; Milošević, Ante (eds). *Munuscula in honorem Željko Rapanić: Zbornik povodom osamdesetog rođendana [Munuscula in honorem Željko Rapanić. Festschrift on the occasion of his 80th birthday]*. Zagreb; Motovun; Split: Međunarodni istraživački centar za kasnu antiku i srednji vijek Publ., 2012. Pp. 157–179. (in Croatian).
- Budak, Neven. Hrvati u ranom srednjem vijeku [Croats in the early Middle Ages], in Šanjek, Franjo (ed.). *Povijest Hrvata*. Knj. 1: Srednji vijek [*History of the Croats*. Vol. I: Middle Ages]. Zagreb: Školska knjiga Publ., 2003. P. 49–79. (in Croatian).
- Budak, Neven. Hrvatska i Bizant u 10. stoljeću [Croatia and Byzantium in the 10th century], in *Tabula: časopis Filozofskog fakulteta u Puli*. 2014. Vol. 12. Pp. 51–63. (in Croatian).
- Budak, Neven. Hrvatski identitet i povijest [Croat identity and history], in Mandarić, Valentina Blaženka; Razum, Ružica (eds). *Identitet kao odgojno-obrazovna vrijednota [Identity as educational value]*. Zagreb: Glas Koncila Publ., 2011. Pp. 105–120. (in Croatian).
- Budak, Neven. *Hrvatska povijest od 550. do 1100 [Croatian history from 550 to 1100]*. Zagreb: Leykam international Publ., 2018. 352 p. (in Croatian).
- Budak, Neven. Identities in early medieval Dalmatia (seventh – eleventh century), in Garipzanov, Ildar H.; Geary, Patrick J.; Urbańczyk, Przemysław (eds). *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe*. Turnhout: Brepols Publ., 2008. Pp. 223–241.
- Budak, Neven. *Karlo Veliki: Karolinzi i Hrvati [Charlemagne: The Carolingians and the Croats]*. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika Publ., 2001. 128 p. (in Croatian).
- Budak, Neven. Njemački papa i hrvatski papagaj [German Pope and Croatian parrot], in *Historijski zbornik*. 2018. Vol. 71 (1). Pp. 1–5. (in Croatian).
- Budak, Neven. One More Renaissance? Dalmatia and the Revival of the European Economy, in Ančić, Mladen; Shepard, Jonathan; Vedriš, Trpimir (eds). *Imperial spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812)*. New York; Oxford: Routledge Publ., 2018. Pp. 174–192.
- Budak, Neven. *Prva stoljeća Hrvatske [Croatia's first centuries]*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada Publ., 1994. 248 p. (in Croatian).
- Budak, Neven. Razvitak hrvatskog etničkog identiteta [Development of the Croat ethnic identity], in Nikolić Jakus, Zrinka (ed.). *Nova zraka u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 – oko 1150) [New ray in the European light: Croatian lands in the early middle ages (550–1150)]*. Zagreb: Matica hrvatska Publ., 2015. Pp. 73–88. (in Croatian).
- Budak, Neven. Slavic Ethnogenesis in Modern Northern Croatia, in Bratož, Rajko (ed.). *Slovenija in sosednje dežele med antiko i karolinško dobo. Začetke slovenske etnogeneze [Slovenia and neighbouring countries*

- from the Antique to the Carolingian time. The beginnings of the Slovenian ethnogenesis]. Ljubljana: National Museum of Slovenia Publ., 2000. Pp. 395–402.
- Budak, Neven. Using the Middle Ages in Modern-Day Croatia, in Bak, Janos M.; Jarnut, Jörg; Monet, Pierre; Schneidemüller, Bernd (eds). *Gebrauch und Missbrauch des Mittelalters, 19.–21. Jahrhundert / Uses and Abuses of the Middle Ages: 19th–21st Century / Usages et Mésusages du Moyen Age du XIXe au XXIe siècle*. München: Wilhelm Fink Publ., 2009. Pp. 241–262.
- Budak, Neven. Was the cult of St. Bartholomew a royal option in early Medieval Croatia?, in Nagy, Balázs; Sebök, Marcell (eds). *The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways. Festschrift in Honor of János M. Bak*. Budapest: Central European University Press, 1999. Pp. 241–249.
- Davies, Wendy. On the Distribution of Political Power in Brittany in the Mid-Ninth Century, in Gibson, Margaret T.; Nelson, Janet L. (eds). *Charles the Bald: Court and Kingdom*. Oxford: British Archaeological Reports Publ., 1981. Pp. 87–107.
- Dzino, Danijel. *Becoming Slav, Becoming Croat: Identity Transformations in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2010. 271 p.
- Dzino, Danijel. From Byzantium to the West: «Croats and Carolingians» as a Paradigm Change in the Research of Early Medieval Dalmatia, in Dzino, Danijel; Milošević, Ante; Vedriš, Trpimir (eds). *Migration, Integration and Connectivity on the Southeastern Frontier of the Carolingian Empire*. Leiden; Boston: Brill Publ., 2018. Pp. 17–31.
- Dzino, Danijel. Post-Roman Dalmatia: Collapse and Regeneration of a Complex Social System, in Ančić, Mladen; Shepard, Jonathan; Vedriš, Trpimir (eds). *Imperial spheres and the Adriatic: Byzantium, the Carolingians and the Treaty of Aachen (812)*. New York; Oxford: Routledge Publ., 2018. Pp. 155–173.
- Ganina, Nataliya Aleksandrovna. Tayny r`ugenskikh slavyan [Enigmas of the Rügen Slavs], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 2 (18). Pp. 65–81. (in Russian).
- Geary, Patrick. *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2002. 199 p.
- Giejsztor, Aleksander. *Mifologiya slavyan [The Slavs' mythology]*. Moscow: Ves' Mir Publ., 2014. 384 p. (in Russian).
- Goldstein, Ivo. *Hrvatski rani srednji vijek [The Croatian Early Middle Ages]*. Zagreb: Novi Liber Publ., 1995. 511 p. (in Croatian).
- Gračanin, Hrvoje. *Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća) [South Pannonia in late antique and early medieval times (from the end of the 4th century to the end of the 11th century)]*. Zagreb: Plejada Publ., 2011. 455 p. (in Croatian).
- Grafenauer, Bogo. Sklabarhontes = «gospodarji Slovanov» ili «slovanski knazi»? [Sklabarhontes = «Masters of Slavs» or «Slavic princes»?], in *Zgodovinski časopis*. 1955. Vol. IX. Pp. 202–219. (in Slovenian).
- Hauptmann, Ljudmil. Karantanska Hrvatska [Carantanian Croatia], in *Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 17) [A collection of essays in honour of king Tomislav (Special editions of the Yugoslav academy of sciences and arts. Vol. 17)]*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti Publ., 1925. Pp. 297–317. (in Croatian).
- Karbić, Damir. Zlatni vijek Bribira [The Golden age of Bribir], in *Hrvatska revija*. 2007. Vol. VII. No. 2. Pp. 12–19. (in Croatian).
- Klaić, Nada. *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku [History of the Croats in the early Middle Ages]*. Zagreb: Školska knjiga Publ., 1971. 593 p. (in Croatian).
- Łuczynski, Michał. Językowo-kulturowy obraz Jaryły~Jarowita (próba rekonstrukcji) [Linguistic and cultural picture of Jarylo-Jarovit (An attempt at reconstruction)], in *Nomos. Journal for the Study of Religions*. 2013. Vol. 80. Pp. 85–97. (in Polish).
- Margetić, Lujo. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću [Notes on the emergence of the Croatian state in the 9th century], in Budak, Neven (ed.). *Etnogeneza Hrvata [Ethnogenesis of the Croats]*. Zagreb: Matica hrvatska Publ.: Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta Publ., 1995. Pp. 144–147. (in Croatian).
- McNair, Fraser. Sub-kingdoms and the Spectrum of Kingship on the Western Border of Charles the Bald's Kingdom, in *The Heroic Age*. 2017. No. 17. URL: <https://www.heroicage.org/issues/17/mcnair.php>.
- Milošević, Ante. Die Spätantike Territoriale und Kulturelle Kontinuität in der Frühmittelalterlichen Cetinagegend [The Late Antique territorial and cultural continuity in the early medieval Cetina region], in *Hortus artium medievalium*. 1995. Vol. 1. Pp. 169–175. (in German).

- Milošević, Ante. *Križevi na obložnicama ranosrednjovjekovnih grobova u okolici Sinja* [Crosses on grave slabs of early medieval graves in the environs of Sinj]. Dubrovnik; Split: Omega engineering Publ.: Filozofski fakultet u Splitu, Centar Studia mediterranea Publ., 2008. 104 p. (in Croatian).
- Milošević, Ante. Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? [Who is Porin of the 30th chapter of De administrando imperio?], in *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 2013. Vol. 40. Pp. 127–134. (in Croatian).
- Nikolić Jakus, Zrinka (ed.). *Nova zraka u europskom svjetlu. Hrvatske zemlje u ranome srednjem vijeku (oko 550 – oko 1150)* [New ray in the European light: Croatian lands in the early middle ages (550–1150)]. Zagreb: Matica hrvatska Publ., 2015. 655 p. (in Croatian).
- Schavelev, Aleksey Sergejevich. Kak nayti khorvatov? O monografii D. E. Alimova «Etnogenez khorvatov...» [How to find Croats? An essay about the monograph of D. E. Alimov «The ethnogenesis of Croats...»], in *Slověne*. 2018. Vol. 7. No. 1. Pp. 437–449. (in Russian).
- Shepard, Jonathan. Bunkers, Open Cities and Boats in Byzantine Diplomacy, in Dzino, Danijel; Parry, Ken (eds). *Byzantium, Its Neighbours and Its Cultures*. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. Pp. 11–44.
- Smith, Julia M. H. *Province and Empire: Brittany and the Carolingians*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 257 p.
- Šišić, Ferdo. *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara* [History of the Croats in the time of national rulers]. Zagreb: Matica hrvatska Publ., 1925. 749 p. (in Croatian).
- Štih, Peter. O novi knjigi, novejši hrvaški historiografi ji in novih pogledih na hrvaško zgodnjesrednjeveško zgodovino [On the new book, contemporary Croatian historiography, and new outlooks on the early mediaeval Croatian history], in *Zgodovinski časopis*. 2018. Vol. 72. No. 3–4. Pp. 464–497. (in Slovenian).
- Vedriš, Trpimir; Agičić, Damir. Prof. dr. sc. Neven Budak — biobibliographica sexagenario dicata, in *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*. 2017. Vol. 49. Pp. 11–31. (in Croatian).